

проблема идентичности сегодня используется как первый шаг в легализации социально-политических проблем и конфликтов, которые пока не могут быть высказаны в силу тех или иных причин на приемлемом в данном обществе языке. Речь идет о признании прав, привилегий и символическом капитале различного рода меньшинств (иммигранты, языковые, конфессиональные, сексуальные и нацменьшинства), для которых дискуссии об идентичности являются пробным камнем последующих политических претензий. Синтетические идентичности высокого порядка в силу ряда причин оказываются неспособны переварить и простроить идентичности более частного порядка, разрушающие их изнутри. Общие смыслы, институты, структуры и практики, составляющие социокультурное ядро общества, все чаще не без помощи постмодернистских теорий, отрицающих универсальное, попираются частными интересами.

Интеграция распадающегося Модерна: к новым иерархиям ценностей

Дискредитация теорий современных обществ как «идеологических» и «классовых» обусловила необходимость поиска новых структурно-ролевых идентичностей. Очевидным трендом является кризис синтетических идентичностей (нация-государство, класс, идеология, цивилизация) и эффективность идентичностей более мелкого порядка. Актуальный конфликт идентичностей обостряется на общем фоне принципиальных споров ассимиляционистов и мультикультуралистов. Ассимиляционисты пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным выходом из ситуации борьбы идентичностей может

стать лишь «правильная» иерархия идентичностей. Соответственно ахиллесовой пятой ассимиляционизма является проблема законодателей: не ясно, «кто» будет составлять эту правильную иерархию, определять главное и второстепенное, всеобщее и частное, не будучи ангажирован теми или иными социальными интересами.

Идеологема мультикультурализма исходит из аксиомы плюрализма, то есть возможности максимально полного выражении интересов всех общественных групп. Правда, при этом мультикультуралисты часто совершают подмену понятий, облекая политические претензии меньшинств не в политическую, а в культурологическую и моралистическую риторику. Начиная с требований культурного плюрализма, адепты мультикультурализма неизменно приходят в финале к политическим требованиям. Проблема в том, что новые идентичности выделяются и конструируются, как правило, вовсе не с благой целью их последующего включения на «правильное место» в «правильную иерархию интересов». Новые идентичности создаются не для последующего консенсуса или слияния, наоборот, идентичности связаны: а) с обособлением и отстаиванием коллективных интересов тех или иных групп (этнических, религиозных, иммигрантских, языковых и т.д.); б) с претензиями на право участия в политике, которое является следствием признания мультикультурным обществом их «особой» идентичности. Актуальный мультикультурализм, акцентируя значимость и ценность групповых отличий, теоретически выстраивает себя на внутренней противоречивости Модерна-Современности.

Мультикультурализм в свое время претендовал на построение системы глобальной политической идентификации, однако так и не смог решить проблему сосуществования интересов и различных групповых идентичностей в рамках политической демократии, предполагающей реальную конкуренцию и иерархию различий и интересов. Ока-

залось, что на практике мультикультурализм мгновенно оборачивается этнонационализмом, а различия – борьбой за основанные на них привилегии и неуниверсальные нормы.

В результате требования равнозначности, плюрализма и толерантности остаются лишь абстрактными императивами. Тем более, что значимость различий для социальных субъектов в интересубъективном общественном пространстве не может проявляться лишь в теоретических пожеланиях по поводу способов их толерантного сосуществования, но только через волю к определению реальной значимости отличий, их закреплению в законах, подчеркивания их асимметрии, исключительности, привилегированности и т.п. В итоге вместо интеграции групп интересов на основе «общечеловеческих» транснациональных ценностей и институтов шел процесс разрушения суверенитета и идентичности наций-государств как изнутри, так и снаружи.

Это привело к закономерному падению приоритетной самоидентификации индивидов и их общностей к догосударственному и донациональному. Таким образом, претензия на глобальность обернулась архаизацией, разрушением единства просветительского проекта. Ситуация «взрыва» новых идентичностей будет иметь серьезные политические последствия. Не исключено, что размывание исторического социокультурного и этноконфессионального ядра сложившейся ранее национально-государственной идентичности стран ЕС, США и России станет в среднесрочной перспективе необратимым. Возобладание центробежных процессов над центростремительными приведет к распаду сложившихся на сегодня государств.

Вместе с тем в плюрализме идентичностей и актуальности мультикультурализма нет ничего априорно плохого, они естественны в современных сложносоставных обществах. Плюрализм идентичностей превращается в проблему именно тогда, когда переводится в политическую

плоскость. В результате набор устойчивых, базовых политических идентичностей начинает разваливаться на множество фрагментирующих идентичностей, претендующих на статус политических. Единственным выходом из подобной ситуации являются практика деполитизации мультикультурализма, запрет на политизацию идентичностей, основанных на расе, этносе, религии или поле. Например, из признания языковой, этнической и других видов идентичности не могут вытекать политические права, а сама идентичность использоваться как механизм достижения этих прав. Подобная четкость, в свою очередь, предполагает ясное разведение в обществе сфер политического и неполитического.

Множественные идентичности в современных обществах практически невозможно ассимилировать. Возможности регулирования нарастающих конфликтов заключены в иерархизации идентичностей и определении общих правил игры, которые, естественно, никогда не удовлетворят все заинтересованные стороны. Для этого требуется: а) определить набор базовых ценностей, принципов и институтов, которые всегда будут иметь преимущество в спорных ситуациях; б) определить формы, методы, условия и границы лоббирования коллективных интересов, то есть четко выделить сферы политического и неполитического. Как справедливо замечает американский политолог А. Этциони, «в каждом обществе общее ядро идентичности и культуры изменялось с течением времени и будет изменяться дальше. Следовательно, меньшинства, которые заявляют, что это ядро не отражает те ценности, которые им дороги, могут свободно предпринимать попытки его изменить – посредством тех демократических и общественных процедур, которые предназначены для реализации этих целей во всех свободных обществах»¹. В противном случае без попыток

¹ Этциони А. Различие внутри единства // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a057.htm>

определения «общих правил игры» плюрализм идентичностей, как показывает практика, неизбежно обернется борьбой всех против всех, борьбой за нормативность частного и особенного.

В настоящее время наиболее благоприятную среду для конструирования новых идентичностей являют собой так называемые «переходные общества», переживающие глубокие социальные и интеллектуальные трансформации. Политика стала своего рода «виртуальным конструктором» формирования новых идентичностей. Очевидно, что политическая риторика элиты в трансформирующемся обществе призвана заполнить тот вакуум, который возникает из разрыва вчерашних теоретико-идеологических моделей описаний общества и новой действительности, того, что «было», «есть» и «должно быть».

Ситуация усугубляется тем, что трансформации российского общества накладываются в России на более глобальный транзит человечества к пост-индустриальному, «информационному обществу». Переходный характер российского общества, надлом прежних институтов и коллективных политических практик, дискредитация модернистских идеологий обуславливают выдвижение на первый план переходных, неустойчивых механизмов политической идентификации.

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем» вместо рационализирующих политику идеологий становится архаизирующая модель политического мифа. С помощью механизмов политической риторики начинают активно формироваться новые идентичности, противостоящие идентичностям, связанным с классами, государством, нацией, гражданским обществом и т.п.

Вместо идеологических картин мира предлагается упрощенная логика мифа, увлекающая своей метонимиче-

ской и метафорической формой. Создателям новых идентичностей не нужно легитимировать себя универсальными метафизическими критериями Просвещения, им не нужны неизменные социальные истины и сущности. Общность идентичности создается в определенном контексте и даже в определенной точке пространства-времени, чтобы затем так же быстро раствориться, исчерпав определенную проблему и удовлетворив интересы, для легитимации которых она создавалась.

С момента распада СССР в России до сих пор не создана краеугольная идентичность новой нации-государства. По сути речь идет о «гражданской национализации государства», когда политическое тождественно национальному и гражданскому. Все прочие идентичности нуждаются в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам. *Создание политической нации заключается прежде всего в «простройке» легитимной и справедливой в глазах большинства иерархии идентичностей.* Очевидно, что эта универсальная иерархия идентичностей, отделяющая политическое и неполитическое, вряд ли удовлетворит все группы интересов. Тем не менее отсутствие легитимных критериев и общепризнанных ценностей провоцирует лишь разрушительную войну частных и групповых идентичностей, где проигравшими в итоге станут все.